

Кевин усмехнулся, приподняв уголок рта с привычным легкомыслием:

— Молодежь... Легко заводитесь, это вполне понятно.

Освальд ответил молчанием.

Этот искатель, хорошенько пошарив, наконец нащупал под кожаной пряжкой на сапоге Освальда ключ. Он усмехнулся и, покачав им перед лицом Императора, произнес:

— А вы умеете прятать вещи, Ваше Величество.

Освальд проигнорировал его слова и лишь бросил:

— Раз нашел ключ, то зачем продолжаешь меня прижимать? Иди и открывай замок.

Кевин опустил веки и небрежно хмыкнул. Не меняя позы и по-прежнему удерживая Освальда, он попытался вставить ключ в замочную скважину наручников.

Должно быть, обрадовавшись, что наконец отыскал ключ, великий господин Кевин Фассбиндер в тот миг, когда взял его в пальцы, почуял неладное. Однако он слишком торопился открыть замок и не стал вдумываться.

Он решил, что в худшем случае просто взял не тот ключ, а если замок не поддастся, он продолжит угрожать Освальду — посидят так вместе подольше, ему-то какая разница.

С трудом протиснув ключ в скважину, он обнаружил, что, кроме некоторой тугости, ключ вполне подходит. Это окончательно усыпило его бдительность. Разумеется, он не заметил, как прижатый к постели Император изогнул бровь.

Кевин взялся за головку ключа и слегка повернул. Почувствовав сопротивление, он поднажал сильнее.

В следующий миг раздался сухой щелчок — и ключ, с виду казавшийся совершенно целым, с легкостью переломился пополам, намертво забив скважину обломком.

Кевин онемел.

Отлично. Теперь скважина заблокирована, и пока не выковыряешь обломок или не разломаешь сами наручники, освободиться не получится.

Пока он пребывал в замешательстве, Император, которого он так легко удерживал, резко перевернулся и с еще большей силой отбросил Кевина, перехватив инициативу.

В мгновение ока они поменялись местами.

— Колесо фортуны повернулось, — процедил Освальд сверху вниз, прижимая запястья Кевина к постели.

Кевин перевел взгляд с забитой скважины на Освальда и с каменным лицом спросил:

— Из какого дерьма ты сделал этот ключ?

— Собственное производство Королевства Золотого Льва. Самый хрупкий сплав, — ответил Освальд.

Кевину до смерти захотелось его пнуть:

— Тебе что, заняться больше нечем, кроме как мастерить подобную дрянь?!

Теперь стало очевидно, что все произошедшее было заранее просчитано Императором. Кевин прокрутил события в голове, и у него аж печенка разболелась от досады.

Освальд, навалившийся на него всем телом, не спешил подниматься. Он наклонился еще ниже, почти вплотную, и произнес вызывающим, но при этом на удивление низким голосом:

— Ну что, теперь уgomонишься? Поешь как следует, дорогой господин Фассбиндер.

Кевин не знал почему, но ему казалось, что после похода в Гробницу Богов Освальд сильно изменился. Хотя тот по-прежнему обожал его злить, теперь он делал это не с высокомерно задраннным подбородком, держась на расстоянии, а как будто нарочно лез на рожон, стремясь оказаться как можно ближе.

Его низкий голос вибрировал так, что Кевин почти физически ощущал отголоски в его груди. Подобная близость невольно создавала ложное чувство интимности. Чувствуя себя не в своей тарелке, Кевин слегка откинул голову и проворчал:

— Ладно-ладно, уgomонился. Что мне еще остается? А теперь слезь с меня живее. Ты хоть знаешь, какой ты тяжелый?

Удовлетворенный ответом, Освальд кивнул, поднялся с постели, подошел к стоявшему поодаль креслу и уселся в него. Небрежно подперев рукой висок, он приготовился наблюдать, как Кевин смиренно примется за еду.

Кевин сердито звякнул цепями, сел поудобнее, подогнув одну ногу, и, взяв с подноса кубок с плодово-ягодным вином, сделал глоток.

Характер у этого человека был поистине удивительным. Секунду назад он пытался прирезать Императора, перерубить цепи и сбежать на волю, а теперь преспокойно уселся, опершись на локти, пьет вино и жует. Если убрать цепи и смотреть только на его манеры и выражение лица, можно подумать, будто изящный, хоть и слегка небрежный аристократ изволит обедать.

Он проспал семь дней и, по идее, должен был изнывать от голода, однако ел неторопливо, размеренно. Эта неспешная грация казалась врожденной, въевшейся в самые кости.

Минуту назад они дрались, а сейчас он уже вполне мирно беседовал с Освальдом. Сделав очередной глоток вина, Кевин вдруг кое-что вспомнил и спросил:

— Святую воду уже опробовали? Как результаты?

Освальд кивнул:

— Пока все выглядит неплохо, отовсюду приходят хорошие вести. Иен уже может поворачивать шею, а следы окаменения у Тенис отступили от плеча к запястью.

С этими словами он указал на собственное ухо:

— Если бы я не шел на поправку, то с твоим сегодняшним бунтарским пылом это ухо уже давно рассыпалось бы в прах.

Кевин покосился на него и без тени сочувствия бросил:

— Так тебе и надо.

Освальд вдруг усмехнулся:

— Последние несколько дней по вечерам в Сент-Антисе проходят богослужения. Горожане, которые идут на поправку, организовали их сами. Они собираются семь дней подряд молиться перед барельефом Бога Света на центральной площади.

Кевин на мгновение замер, но затем продолжил есть и с наглым видом обронил:

— Делать им нечего. Зачем поклоняться какому-то древнему божеству?

— Фаэ — это другое дело, — изогнув бровь, возразил Освальд. — Я принес из Гробницы Богов две вещи и собираюсь...

Он не успел договорить — его прервал стоявший у дверей придворный лакей:

— Ваше Величество, от Патрульной кавалерии столицы снова доставлено срочное донесение.

Освальд лишь нахмурился.

— Опять явились, чтобы поглупеть перед моим лицом? — язвительно бросил Освальд. — Я что, выгляжу бездельником? Пусть проваливает домой и строит глупые рожи перед женой и детьми.

Лакей робко заглянул в комнату и, опустив глаза, пролепетал:

— В этот раз нет, Ваше Величество. Командир передает, что сюда движется огромный поток беженцев.

— Беженцы? — нахмурился Освальд. — Какие еще беженцы?

— Подробности не знаю. Вам лучше расспросить господина командира, — пробормотал лакей.

— Понял, — отозвался Освальд.

Он поднялся и направился к выходу.

Кевин одной рукой закинул в рот лесную ягоду, а другой небрежно дернул за цепь. Натянутые звенья преградили Освальду путь, оказавшись прямо перед его ногами.

— Обрывать фразу на полуслове — напрашиваться на неприятности? — сердито проворчал Кевин. — Каково продолжение? Что за штуковины ты притащил из Гробницы Богов и что задумал сделать? Изложи суть в двух словах.

Освальд ответил предельно кратко:

— Я принес отпечаток ноги Фаэ и подпись еще какого-то непонятного существа. Собираюсь выбрать время и перестроить для Фаэ гробницу. Пусть она и не будет столь величественной, но хотя бы... окажется достойной слова «Свет».

Услышав это, Кевин замер с зажатой в пальцах ягодой. Он поднял взгляд на Освальда, но тут

же отвел глаза.

Он отпустил железные звенья, и цепь, преграждавшая Освальду путь, с тихим звоном опала на пол. Не поднимая головы, он махнул ладонью, словно отгонял щенка:

— Ладно, иди.

Император великодушно проигнорировал эту наглость и размашистым шагом вышел из комнаты, направившись к прибывшим из патрульной кавалерии.

Кевин закинул в рот ягоду, пожевал и, откинувшись назад, прислонился к изголовью кровати, погрузившись в раздумья.

Молодой Император, хоть частенько и нарывался на хорошую трепку, порой умудрялся проявлять такую заботу, что она невольно задевала самые тонкие струны души...

То ли обломок ключа в замочной скважине и впрямь застрял намертво, то ли силы Кевина действительно еще не восстановились до конца, как утверждал Освальд, но он на удивление смирно провел в этих покоех следующие несколько дней. Он даже без лишних возражений согласился, когда Освальд приказал принести в комнату лохань с горячей водой, чтобы тот мог помыться.

Такое послушание даже заставило Императора почувствовать себя не в своей тарелке.

Как и говорил Освальд, на теле Кевина все еще внезапно открывались глубокие раны, обнажавшие кости, а затем медленно затягивались. Однако по сравнению с тем, что творилось в Гробнице Богов, его состояние заметно улучшилось, да и случались эти приступы гораздо реже.

В те дни, что он провел в спальне, чаще всех — не считая Освальда — у него гостила маленькая Тенис. Бэна и Анджела, поскольку они не жили в Висячем замке, внутрь не пускали, так что они не удостоились чести лицезреть позорное зрелище запертого на цепь Кевина.

Рука Тенис заживала хорошо, поэтому Освальд снял с нее домашний арест и позволил носиться повсюду, точно живому резиновому мячу.

Анджела рядом не было, Освальд тонул в делах, так что ее излюбленной мишенью стал Кевин. Каждый день она прибегала к нему с книгой в руках и умоляла рассказать сказку, а порой и сама принималась что-нибудь ему рассказывать.

<http://bllate.org/book/18285/1753224>